

Н. И. ПРОКОФЬЕВ

О ТРАДИЦИЯХ И НОВАТОРСТВЕ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Писатели петровского времени были еще во власти традиций, веками сложившихся на Руси, хотя и осознавали необходимость преодоления старых принципов изображения жизни. Они прежде всего стремились отказаться от религиозно-символического мировоззрения как единственного и универсального средства познания и объяснения общественных и природных явлений. Петровские реформы и пришедшее вместе с ними русское просвещение способствовали разработке новой системы взглядов на общественно-историческую жизнь, системы, отвергавшей религиозный символизм. Однако выработанная веками форма древнерусских «хождений»¹ оказалась пригодной и в новых исторических условиях. Старая литературная конструкция, система языковых средств, особенно принцип правдивого и точного повествования, который основывался в хождениях не столько на вере, сколько на личном опыте писателя, на непосредственном восприятии виденного, — все это отвечало задачам рационалистического подхода в литературно-художественном познании мира.

Если древнерусские жанры, базирующиеся на религиозной интуиции (видения, знамения, чудеса), отмирают, то хождения как сложившаяся литературная форма, трансформируясь, продолжают свою жизнь в новых исторических условиях. Следует иметь в виду, что в петровскую эпоху появляются традиционные паломнические хождения, интерес к которым поддерживался церковью

¹ См.: Н. И. Прокофьев. 1) Хождения как жанр в древнерусской литературе. — Вопросы литературы. Ученые записки Моск. гос. пед. инст. им. В. И. Ленина, № 288, 1968; 2) Русские хождения XII—XV вв. — Литература Древней Руси и XVIII века. Ученые записки Моск. гос. пед. инст. им. В. И. Ленина, № 363, 1970; 3) Древнерусские хождения XII—XV веков. (Проблема жанра и стиля). Автореф. докт. дисс. М., 1970.

и которые в измененной форме еще долго будут существовать в русской литературе.² Создаются в это время очерки о путешествиях в форме записей устных рассказов.³ Широко распространялись и были популярны в XVIII и даже в начале XIX в. некоторые древние хождения, о чем свидетельствуют сохранившиеся рукописные списки и печатные издания. Только, например, в Государственной публичной библиотеке имени В. И. Ленина хранится 25 списков XVIII в. «Хождения Трифона Коробейникова». В описании Н. В. Ружского из 99 списков «Хождения игумена Даниила» 3 списка относятся к концу XVII—началу XVIII в., 13 — к XVIII в.⁴ В сводной таблице К. Зеэмана из 147 рукописных списков «Хождения игумена Даниила» на XVIII в. приходится 32 списка.⁵

Однако не эти памятники литературы путешествий в первую очередь характеризуют петровскую эпоху. Идеи и дух времени с наибольшей полнотой отразились в путевых записках о странах Западной Европы: «Неизвестной особы» (1697—1698), П. А. Толстого (1697—1699), Б. П. Шереметева (1697—1699), А. А. Матвеева (1705), Б. И. Куракина (1707—1711) и др.⁶ Эти произведения возникли не только на основе «литературной традиции статейных списков», как заметил Д. С. Лихачев,⁷ но и на традициях древнерусских хождений вообще, как паломнических, так и светских.

В литературе древней Руси начиная с «Хождения игумена Даниила» были довольно разработаны принципы и логические приемы создания путевых очерков, в основе которых лежал личный опыт писателя-путешественника. Эти принципы и приемы можно свести к следующему: писать необходимо лишь о том, что испытал сам путешественник, что он увидел собственными глазами («списах все, еже видех очима своима грешныма»); не

² См.: Паломники — писатели петровского и послепетровского времени, или путники во св. град Иерусалим. С объяснительными примечаниями арх. Леонида. — ЧОИДР, 1873, кн. 3; М. Самецкий. Русское паломничество на православный Восток в первой половине XVIII в. Диссертация Киевской духовной академии. БАН УССР, дисс. № 1741, 1902.

³ См., например, две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки: ЧОИДР, 1891, кн. 3, стр. 1—18.

⁴ ЧОИДР, 1891, кн. 3, стр. 1—172.

⁵ Slavische Propylaen, Bd. 36, München, 1970, S. 65—72.

⁶ Путевые записки «Неизвестной особы» напечатаны в «Русской старине», 1879, № 5; П. А. Толстого — в «Русском архиве» 1888, № 2—8; Б. П. Шереметева — в «Памятниках дипломатических сношений России с державами иностранными», т. X (СПб., 1871, стр. 1581—1618); А. А. Матвеева — в труде П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом», т. I (СПб., 1862, стр. 151—155); Б. И. Куракина — в «Архиве князя Ф. А. Куракина», т. I (СПб., 1890, стр. 101—240). Далее цитаты приводятся по этим публикациям.

⁷ Д. С. Лихачев. Повести русских послов как памятники литературы. — В кн.: Путешествие русских послов XVI—XVII вв. Статьи списки. М.—Л., 1954, стр. 346.

допускать выдумки, ибо «то есть лжа и неправда»; стремиться к простоте изложения, писать «безо лжи и яко видех очима своима»; создавать законченные небольшие очерки-зарисовки и группировать их в целое произведение по временному или пространственно-топографическому принципу.

Сами очерковые описания строились на нескольких основных логических приемах, используемых в различных сочетаниях: показ действия самих путешественников; показ предмета через его действия и действия, вызванные им; перечисление признаков и действий предмета как средство его описания; «нанизывание» предметов друг на друга при описании.⁸

Веками сложившиеся логические приемы очерковых описаний, широко применявшиеся в древнерусских хождениях, ошутимо себя дают знать в путевых записках петровской эпохи. Один из таких приемов условно можно называть «нанизыванием» одного более объемного предмета на цепь следующих за ним предметов с уменьшающейся объемностью, типа игрушечных «матрешек» или сказочного приема: дуб, на дубу — сундук, в сундуке — утка, в утке — яйцо, в яйце — иголка. Интересно сопоставить описания памятников скульптуры в древнерусских хождениях и в путевых дневниках петровского времени.

Вот как, например, анонимный путешественник конца XIII — начала XIV в. описывает двор византийского императора: «... есть царвь дворъ Константинов над морем над великим; есть на цареве дворе узорочье: над морем высоко вельми поставлен столпь камен, а на том столпе 4 столъпци каменных, а на тых столпцех положен камен, а в том камени вырезаны псы крылаты и орли крылаты камены и бораны камены; бораном рога збиты, да и столпы обиты».⁹ Описание строится по нисходящей линии: двор, на дворе — столп, на столпе — четыре малых столпа, на малых столпцах — камни, на камнях — фигуры животных и птиц. Неизвестный Суздалец, проезжая в 1439 г. по городам Северной Германии, так описывает фонтаны: «И среди града того суть столпы устроены, в меди и позлащены, вельми чудно, трею сажени и выше. И у тех столпов, у коегождо, люди приряжены около тою же медию, истекает ис тех людей изо всех воды сладки и студены: у единого изо уст, а у инаго из уха, а у другаго из ока, а у инаго из локты, а у инаго из ноздрию. Истекает же прытко вельми, яко из бочек».¹⁰

⁸ См.: Н. И. Прокофьев. Древнерусские хождения XII—XV веков. (Проблема жанра и стиля), стр. 21—22.

⁹ Цит. по кн.: М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XV века. Л., 1934, стр. 133.

¹⁰ Цит. по: Н. И. Прокофьев. Древнерусские хождения XII—XV веков. (Проблема жанра и стиля). Докт. дисс. Рукопись. Ч. III. Тексты и текстологические разыскания. М., 1969, стр. 748.

В описаниях фонтана в Генуе работы Буонарроти в записках «Неизвестной особы» узнаются приемы и стиль древнерусских хождений: «Три лошади есть превеликие, на них мужик стоит, у той, что на середке, лошади из языка, а у крайних коней из ноздей вода течет; кругом тех лошадей ребята из мрамора сидят, воду пьют». В путевом дневнике П. А. Толстого подобно описывается памятник папе в Ферраре: «... в том же городе есть одна площадь великая, около той площади вокруг поставлены столбы низкие каменные, столб от столба сажени по три, и по тем столбам по верхам проделаны пробои железные толстые, и в те пробои проняты чеши железныя не тонкия, и вся та площадь теми чепьми от столба до столба обвешана, чтоб невозможно было никому по той площади в карете или в телеге или верхом проехать. И растет на той площади трава великая, а посреди той площади поставлен один великий столб каменный белый, зело высок и толст, из одного камня высечен, изрядною резною работою сделан; на верху того столба сделаны из того же камня кресла изрядныя, и в тех креслах посажена персона папы римскаго, высечена из камня предивною работою». Логические схемы в сущности такие же, как и у древних паломников: у П. А. Толстого, например, город, в городе — площадь, на площади — столбы, в столбах — пробои, в пробоих — цепи железные; в центре площади — колонна, на колонне — кресла, в креслах — фигура папы.

От стиля древнерусских паломников заимствуются П. А. Толстым и другими авторами путевых записок петровской эпохи повторяющиеся союзы, союзные слова, указательные местоимения, стоящие в начале предложения (*и, когда, также, тут, тот, та, те* и др.), и традиционный фразеологический оборот, выражающий чувство восторга («описать подлинно невозможно»). Даже употребление иноземных слов является традиционным. Только в древнерусских хождениях употреблялись, нередко с объяснением, слова греческие, арабские, персидские и других восточных языков, т. е. языков тех стран, куда приезжали русские путешественники, а в записках петровского времени эта лексика восходит к языкам Западной Европы. Что же касается принципов и стилистической функции употребления иноземной лексики, то они в сущности остаются прежними, традиционными.

Путевые записки петровского времени по своей литературной форме стоят на грани между древнерусскими хождениями и современным жанром путевого очерка. Новое и старое в них причудливо сливается. Эта смесь обнаруживается в содержании и языке произведений. Путешественников продолжают привлекать христианские святые и храмы Западной Европы, и описываются они в стиле паломнических хождений. Узнается, например, стиль русских паломников в описании собора св. Марка в Венеции, которое мы находим в записках «Неизвестной особы»: «Тут млеко пресвятыя Богородицы в склянице, и власы Богородицы русы,

гвоздь которым прибито тело спасителя и бога нашего; тернового венца часть; часть столба, у которого творца нашего бичевали; ризы пресвятыя Богородицы; евангелие, написанное евангелистом Марком; камень тот, из которого в пустыне Моисей воду источил».

Но в отличие от древнерусских паломников путешественники петровского времени с увлечением рассказывают об экономике, культуре и искусстве, о музеях и технических новинках, о балах и маскарадах, о зоопарках и библиотеках, об уличных народных зрелищах. В дневниковых записях «Неизвестной особы» вслед за описанием святынь рассказывается уже другим стилем: «Из Венеции ездил в Муран морем с версту, где стекла зеркальные делают, посуды всякие, камень толкут и топят. В Венеции сенаторы и жены их ездят в гундолах, покрыту сукном черным, стекла хрустальные в окончинах, т. е. на лодках; гребут стоя нарядны гребцы в бархатных кафтанах; а у послов и посланников разных государств гундолы резные, вызолоченные на красно-бархатом, а гребцы в золотых кафтанах. В Венеции публичных блядок с 80 000 есть.

На площади же я видел, как хитро мужик делал: два гвоздя железные в нос забил и на тех гвоздях на веревке малого поднимал лет 18. Он же камень ел и воды выпил ушат большой. Еще привязав к волосам камня, пуд по 6-ти носил. И смотрел я в Венеции, как сенаторы играют мечом: нудут духом, гораздо бьют руками; а на руках у их, кто играет, в то время инструмент точеный, деревянной будто лукошко».

Пестрота содержания, языка и стиля путевых записок отражала неустоявшийся уклад новых отношений, когда старое и новое причудливо между собой переплеталось. В самом деле, в очерковых зарисовках «млеко пресвятыя Богородицы в склянице» и ее «власы русы» соседствуют с «публичными блядками», терновый венец Христа и Евангелие, написанное апостолом Марком, стоят рядом с уличными цирковыми представлениями, и писалось это без установки на какой-либо комический эффект. Показательно, что об исцелениях и чудесах, исходящих от святынь, автор уже совсем не упоминает.

Такое причудливое смешение и в предметах описания и в языке составляет известную литературную систему начала XVIII в. В этой системе старая форма вступала в противоречие с новым содержанием, что производило юмористическое впечатление позднее и не могло не вызвать улыбки у читателей XIX в. Недаром известный актер и писатель И. Горбунов включал в свой юмористический репертуар чтение отрывков из путевых записок о Западной Европе начала XVIII в.

Дореволюционные исследователи, отмечая в путевых записках петровского времени древние традиции, взятые в их самом общем виде, без прослеживания стилевых совпадений, не уделяли доста-

точного внимания тому новому, что несли в себе эти записки.¹¹ При этом подчеркивалось, что русские путешественники, оказавшись в окружении европейской культуры, не могли якобы разобратся в своих впечатлениях, поэтому выглядели какими-то чудачковатыми дикарями. Так, В. О. Ключевский писал: «Неподготовленные и равнодушные, с широко раскрытыми глазами и ртами, смотрели они на нравы, порядки и обстановку европейского общества, не различая див культуры от фокусов и пустяков, не отлагая в своем уме от непривычных впечатлений никаких помыслов».¹² Подобные суждения широко бытовали в исторических и литературоведческих работах. Правда, в некоторых записках (например, «Неизвестной особы») достаточно материала для таких оценок. Однако во всех сочинениях этого жанра содержится много свежего материала, непосредственных впечатлений и умных, глубоких суждений, в которых отражена решительная ломка старых традиций и наступающее обновление социальной жизни.

Новое в записках петровского времени заключалось в необычайно широком охвате явлений иноземной жизни. Это нельзя объяснить растерянностью сочинителей или их неумением отделить существенное от пустяков. Русских путешественников интересовало буквально все, что они встречали на своем пути. Трудно указать, что их не привлекало. Объекты описаний, самые разнообразные, следовали один за другим. В этом отношении путешественники петровского времени резко отличаются от древнерусских собратьев, круг интересов и объекты описаний которых были более сужены. Не только в паломнических хождениях, где основное внимание уделялось памятникам христианской культуры, христианским достопримечательностям и святыням, но и в светских (торговых и дипломатических) хождениях на многое в жизни чужих стран не обращалось внимания. Так, в хождениях, относящихся к Ферраро-флорентийскому собору, говорится о Западной Европе, в особенности об Италии середины XV в., но памятники нового искусства обходятся молчанием. Творения великих итальянских мастеров раннего Возрождения не замечаются русскими путешественниками. Они более внимательны к произведениям прошедших эпох, в особенности к тем, которые близки были русской культуре той исторической эпохи.

Путешественники петровского времени жадно впитывают и то, что интересовало древнерусских путешественников, и то новое,

¹¹ См.: П. П. Пекарский. 1) Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 145—148, 221—223; 2) Русские мемуары XVIII в. — Современник, 1855, № 4; А. Н. Пыпин. 1) Путешествие за границу времен Петра Великого. — Вестник Европы, 1897, № 9; 2) История русской литературы, т. III. СПб., 1899, гл. 5; А. Г. Брикнер. Русский турист в Европе в начале XVIII века. — Русское обозрение, 1892, № 1, стр. 31.

¹² В. О. Ключевский, Собрание сочинений в 8 томах, т. IV. М., 1958, стр. 236.

что создавалось в Европе. Смотрят они и на новое и на прошлое с позиций людей, желающих осознать европейскую жизнь в ее самых различных проявлениях, все стороны государственного устройства, быт, нравы, культуру, искусства, экономику, социальные отношения. С представителями власти и деятелями культуры Запада русские путешественники держатся с чувством собственного достоинства, хотя и не скрывают, что они прибыли изучать и учиться. Сам великий реформатор был для них наглядным примером, как надо держать себя и учиться у западноевропейских народов.

Другое новое качество путевых записок петровского времени заключается в том, что в них с большей отчетливостью, чем это было в древнерусских хождениях, выражены индивидуальные особенности повествователя. В этом отношении показательное сравнительное рассмотрение путевых записок П. А. Толстого и Б. И. Куракина.¹³

На страницах записок П. А. Толстого сам автор выглядит личностью рационалистической, с практическим складом ума. Он экономист, политик, дипломат, знаток мореходного дела и культуры, он тонко судит об искусстве. Это человек энциклопедических знаний. Наряду с этим П. А. Толстой — человек благочестивый, его привлекают христианские святые, он со знанием дела описывает обряды церковного богослужения в разных странах. Но эти религиозность и благочестивость иного качества, они не мешают ему быть человеком нового мировоззрения, широких взглядов на жизнь. Как деятель и сподвижник реформ, он на все в Европе смотрит с позиций тех преобразований, которые происходили в России. Особенно он питает пристрастие к морскому делу, широко пользуется морскими терминами, хорошо знает техническую оснастку кораблей и практику кораблевождения. Показателен описанный П. А. Толстым случай, когда путешественник, видя, что капитан корабля, на котором он оказался пассажиром, неправильно определил курс, вынужден был взять управление кораблем в свои руки и в тумане, без визуальных ориентиров, приводит корабль к намеченной цели. П. А. Толстой поведал об этом с чувством собственного достоинства, но без тени самолюбования: его рассказ трезв, здрав и объективен.

П. А. Толстой менее всего удивляется, он учится и воспринимает все встречающееся ему критически, как, кстати, и другие авторы путевых записок. Он здраво судит об итальянском искусстве. Восторгаясь итальянской оперой, он замечает, что «комедии в Венеции бывают хуже оперов, однако же zelo забавны», «а танцы итальянские не zelo стройны». Поэтому никак нельзя согласиться с утверждениями А. Н. Пыпина (а эти утверждения разделялись и другими исследователями), будто бы такие

¹³ См.: Г. Е. Гюбиева. Этапы развития русской мемуарно-автобиографической литературы XVIII века. Автореф. канд. дисс. М., 1969, стр. 6.

путешественники, как П. А. Толстой, выглядели смешными на Западе и «въезжали в Неаполь точно в Кострому».¹⁴ Нет, П. А. Толстой, как и другие путешественники той эпохи, прекрасно понимал, что он находится в Неаполе, знал, что ему надо в этом городе, и смотрел на Неаполь без боязни показаться смешным.

Смешной была для читателей XIX в. непривычность лексических средств и их несоответствие (с точки зрения позднего времени) описываемым предметам. Так, рассказывая о встрече с губернатором Мальты, престарелым человеком, который приглашает русского путешественника «в дом с великою любовью», П. А. Толстой пользуется простонародной лексикой, весьма выразительной и непривычной именно для литературы позднего времени, но вполне оправданной в петровскую эпоху: губернатор — «молодец изрядной», путешественника он «встретил на крыльце», просит, чтобы путешественник «с ним мало посидел в воротах».

Толстому свойственны сердечность и теплота в обращении с людьми, в особенности с теми, кто оказывает ему внимание, и отчасти эстетическое восприятие виденного. Но прежде всего он глубокий рационалист. С рационалистических позиций он воспринимает природу. Его пейзажные зарисовки кратки, выразительны и рационалистичны. Живописно и вместе с тем деловито говорит он, например, о морской буре: «... корабль наш мало грузен и шел таков криво, что пушки с нашего корабля чертили по воде», но вот «ветер переменил дыхание», «в тот час увидели от ветров северные хмуры оболочки, и опасно было того, чтобы ветер не напал на развитые паруса, от чего, упаси боже, чтоб не учинило порухи кораблю»; «а в той ночи зело было пасмурно и звезд видеть было невозможно»; «и во всю ночь бежали мы в море от берегов прочь на северные ветры, куды нам не хотелось, и на утро бежали на ту ж северную сторону, и... прибежали в Далмацию».

В путевых очерках П. А. Толстого заметна и юмористическая окрашенность некоторых описаний, лукавство, порою смешанное с удивлением. Так, путешественник не без насмешки рассказывает об избрании короля в польском сейме, когда в порыве политических страстей «окна великие и окончины были стекольчатые все повывломаны и окна разбиты от нестройного совету и от несогласия во всяких делах». Юмор совсем не встречался в древнерусских хождениях, где описания были полны глубокой серьезности и абсолютно лишены какого бы то ни было юмористического оттенка.

Яркой индивидуальностью встает перед читателем путевых записок и Б. И. Куракин. Его в первую очередь интересует жизнь аристократической Западной Европы, внешняя культура «знатных

¹⁴ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. III, стр. 257.

персон», светский этикет. В отличие от П. А. Толстого, которого не волновала мысль, каким он выглядит в чьих бы то ни было глазах, Б. И. Куракин с беспокойством пишет, как ему лучше себя держать в европейском «свете», как следует одеваться, где и что из платья лучше покупать. Даже города Европы он рассматривает с точки зрения возможного приятного времяпрепровождения.

Б. И. Куракин поглощен стремлением образоваться по-европейски, хотя вначале он понимает под этим только внешнее, показное. Однако через некоторое время он постигает не только внешнюю сторону культуры Европы. Его записи 1711 г. значительно отличаются от того, что им же написано в 1707 г. За три-четыре года он приобрел глубокие познания европейской жизни, изучил современное европейское искусство. Он со знанием дела судит о вокальном исполнении Николлини, о музыкальном таланте Генделя, о произведениях живописи. От посещения в 1711 г. «королевского дома» у него осталось сильное впечатление об одном портрете: «Между всеми видел одного удивительного мастерства портрет одной полу женского, которая при свече сидит, гораздо простой, стены от огня натурально написаны».

Путевые записки «Неизвестной особы», П. А. Толстого, Б. И. Куракина, А. А. Матвеева, Б. П. Шереметева и других деятелей петровского времени содержат в себе много и общего и индивидуального. Для всех авторов общим является стилевое смешение как определенная литературная система. Это было характерным и для литературы древней Руси. Но в древнерусской литературе смешивались в одном произведении традиционные, издавна существовавшие и ставшие привычными стилевые элементы, в путевых записках петровского времени это смешение носило качественно иной характер. Здесь смешивалось старое и новое, старые формы использовались для выражения нового содержания, обусловленного рационалистической системой взглядов.

Всех путешественников роднит уважительное, порою восторженное и вместе с тем критическое отношение к европейской жизни. Так, А. А. Матвеев восторженно говорит о любезности парижан, об изяществе обращения француженок, о гуманном воспитании детей, об относительной свободе в быту и о многих других сторонах французской жизни. Он видел поражающую воображение роскошь двора Людовика XIV и вместе с тем не прошел мимо бедственного положения народа, за счет которого существовало придворное великолепие. Проезжая по селам Франции от города Меле до Парижа, он замечает: «Но поселянство в тех селах от поборов королевских изнуренное, в конечной пребывает скудости, лошади и ослы и скот гораздо мелок». Критические суждения внедрялись в сознание современников и самим Петром I, который, по отзывам В. О. Ключевского, возражая неумеренным восторгам относительно парижских обычаев и манер светского обхождения, заявлял: «Хорошо перенимать у французов науки и

художества, и я бы хотел видеть это у себя; а в прочем Париж воняет».¹⁵

Путешественники начала XVIII в. — это «птенцы гнезда Петрова», его сторонники и воспитанники, посланные на Запад как с дипломатическими и хозяйственными поручениями, так и с целью изучения европейского опыта во всех сферах его проявления. Они учились на Западе сами и учили русских людей, являлись пропагандистами идей Петра. Их записки не только знакомили с жизнью Европы, но и оправдывали смысл петровских реформ, утверждали их необходимость для русской жизни, побуждали русских людей к умственной деятельности, подводили их к пониманию необходимости учиться у Европы всему достойному подражания, не закрывая при этом глаза на отрицательное и неподходящее для русской жизни. Их записки направлены вместе с тем и против недоброхотов петровских преобразований.

Путевые записки начала XVIII в. составлялись людьми, для которых литература не была специальностью. И если они брались за перо, то видели в этом практическую необходимость, не задумываясь над литературной отделкой и совершенством формы и стиля. Их стиль формировался, так сказать, в черновом и первоначальном виде. Поэтому путевые записки не только дают представление о том, как сторонники Петра воспринимали идеи времени, как они овладевали европейской культурой и как у них складывался идеал новой жизни, но и содержат в себе показательный материал для изучения литературного стиля времени, для понимания литературных традиций и новаторства.

Известно, что Петр неоднократно указывал, что писать надлежит как можно проще и внятнее. Он был противником многословия и необоснованной растянутости. Сам он владел точным и ясным стилем, отточенным порою до афористичности. В его языке причудливо сливалась современная и древняя русская лексика со словами из западноевропейских языков.

Опыт простоты и ясности стиля авторы путевых записок могли почерпнуть из древнерусских хождений, которые широко бытовали в начале XVIII в. Показательно, что не западные путевые очерки служили образцом для русских путешественников петровского времени, а оказалась пригодной веками сложившаяся на Руси система описания путешествий. Если мы обнаруживаем прочную и неразрывную связь путевых записок петровского времени с древнерусскими хождениями, то не найдем заметных западных литературных влияний, кроме некоторых лексических заимствований. Таково парадоксальное явление: учеба у Запада не коснулась литературной формы и стиля путевых записок.

¹⁵ В. О. Ключевский. Петр Великий среди своих сотрудников. — В кн.: В. О. Ключевский. Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913, стр. 499.